

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
СУДЕБНОЙ РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО

Д. В. Зотов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2013 г.

Аннотация: рассматриваются возможности использования религиозно-мистического воздействия в профессиональной судебной речи. Приводятся примеры из адвокатского наследия Ф. Н. Плевако. Показывается взаимообусловленность религиозного мировоззрения и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Плевако, биография, риторика, этика, мораль, религия, судебная речь, квалификация, доказательства, допустимость.

Abstract: the article is dedicated the problem of use of religious-mystical influence in professional judicial speech. Provides examples of advocates heritage of F. N. Plevako. Shows the interdependence of religious outlook and professional activities.

Key words: Plevako, biography, rhetoric, ethics, morality, religion, judicial speech, qualification, evidence, admissibility.

Со времен Аристотеля судебная риторика, как и любая другая, знает три основных способа убеждения. Помимо логоса (логики аргументов) и пафоса (возбуждение страсти) выделяют категорию этоса. Этос предусматривает обращение судебного оратора к нравственным воззрениям арбитра. Среди моральных установок особое место занимают вопросы религиозного сознания. Это предполагает обсуждение проблемы принципиальной допустимости и пределов использования религиозно-мистического воздействия в выступлениях профессиональных участников судопроизводства.

История этого вопроса имеет глубокие корни. «В древневосточном праве религиозно-символические обряды играли важную роль при заключении сделок, в системах доказательств, наказании и т.п.»¹. Для античности было нормой заклинание богами судей и призыв небожителей на помощь тяжущимся. Отличительной чертой инквизиционного процесса являлся консерватизм, поскольку священность и неприкосновенность религиозных догматов переносились в систему правосудия и т.д.

Для отечественной дореволюционной системы уголовного судопроизводства самым ярким, а может и единственным, представителем религиозного «направления» красноречия был и остается присяжный-поверенный Фёдор Никифорович Плевако (1842–1908). Исследованию его биографии, профессиональной деятельности, политических взглядов

¹ Иванов Ю. А. История государства и права древневосточных цивилизаций. Воронеж, 2012. С. 9.

посвящено значительное число публикаций. Практически во всех из них упоминается его глубокая православная воцерковленность. О различных проявлениях в суде этой стороны личности самого прославленного российского адвоката пойдет речь в данной статье.

Но прежде чем анализировать мистическую сторону речи Плевако, следует обратиться к обстоятельствам, которые сопутствовали такому мировоззрению: воспитанию, обучению, окружению, увлечениям и пр.

Плевако рассказывал, как однажды в детстве чувство религиозности вылилось у него в комическую форму, создало целый инцидент. Уверенный, что вне христианства нет спасения, он еще мальчиком в Троицке решил спасти своих сверстников, друзей-татарчат: купаясь с ними в реке, он затеял какую-то игру, по которой все ребята должны были трижды нырнуть. Ничего не подозревая, они это исполнили; он же в это время быстро произносил: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а по окончании игры поздравил их с крещением. Мальчики подняли рев, их отцы ходили жаловаться отцу Плевако, чиновнику, и Плевако довелось в очень нежную пору стать не только проповедником, но и мучеником. Религиозная экзальтация в детские годы – не редкость, но Плевако сохранил ее в юности, когда обыкновенно человеческая душа проходит полосу неверия и отрицания; его товарищи по студенчеству помнили, как в ту пору Плевако покидал пирушки для церкви, любил вставать с петухами, чтобы не опоздать к ранней обедне².

Как-то у Плевако спросили, где он учился красноречию и кто из университетских профессоров был его наставником. Адвокат ответил: «Малому я научился в школах, но и за то благодарю и молюсь за своих наставников, по слову апостола: “Поминайте их”. Главным же профессором красноречия у меня был св. Иоанн Златоуст. А логику я учил у св. Григория Богослова, ибо более правильного и логически последовательного мышления редко у кого из его современников можно встретить. Прочтите внимательно его догматические трактаты против ариан: это шедевры логики. Вообще, когда я стал знакомиться со святоотеческой литературой и, в частности, с произведениями русских духовных писателей, я без труда нашел в них блестящие примеры богатства языка, логики и глубины мысли. Жаль, что русские люди, даже передовые руководители, не знакомы с жемчужинами духовной литературы»³.

Примечательно, что адвокатская деятельность Плевако прошла в Москве. Как писал о нем А. Ф. Кони, «он был москвичом “с ног до головы”»⁴. Колорит русских столбовых традиций первопрестольной, отличавшихся от рафинированных европейских веяний Петербурга, накладыва-

² См.: *Маклаков В. А.* Ф. Н. Плевако : лекция, прочитанная в мае 1909 г. в Петербурге в Обществе любителей ораторского искусства // *Речи; судебные, думские и публичные лекции.* Париж, 1949. С. 97.

³ Цит. по: *Корнилов А.* Православный адвокат // *Православное слово.* 2001. Июнь. № 12 (193).

⁴ *Кони А. Ф.* Князь А. И. Урусов и Ф. Н. Плевако // *Собр. соч. : в 8 т. М., 1968.* Т. 5. С. 136.

ет свой отпечаток на манеру «московского Златоуста». И звон колоколов сорока сороков, и религиозное настроение москвичей, и богатая событиями летопись православной столицы России находят отклик в его судебных речах.

Много лет Плевако был церковным старостой Успенского собора Московского Кремля – одной из величайших святынь всей России и главного храма Московского государства. Несколько веков Успенский собор был духовным и политическим центром страны: здесь поставляли великих князей, венчали на царство, короновали императоров, оглашали государственные акты, возводили в сан епископов, митрополитов и патриархов. Однако когда священникам в целях охраны общественного порядка предписали затрагивать в проповеди политические вопросы, Плевако слагает с себя полномочия старосты, объясняя это недопустимостью подчинения церкви политике.

Плевако постоянно жертвовал на нужды церкви и христианское просвещение, был деятельным участником всевозможных благотворительных организаций. Зачастую бесплатно оказывал юридическую помощь, учитывая материальное положение доверителя. Так, крестьян из села Люторичи Тульской губернии, обвиняемых в неповиновении властям, он не только безвозмездно защищал, но и взял на себя все расходы по их содержанию в течение трех недель процесса⁵.

Известно, что ежегодно первую неделю Великого поста Плевако в строгой молитве проводил в Никольском единоверческом монастыре (настоятель архимандрит Павел (Леднев) Прусский). Аккуратно посещал все монастырские службы, принимая участие в чтении поучений. Его пищей были черный хлеб и вода. Только после исповеди утром в субботу и причащения Плевако впервые вкушал пищу с постным маслом. Разумеется, что никаких дел в это время адвокат не вел.

В 1904 г., во время визита в Рим, он был на приеме у Папы Пия X. По дороге в Рим он говорил: мол, доведись ему выступать, это была бы идея конфессионального единства, «что вера одна, что Бог один, что и католики, и православные не могут чувствовать себя ни врагами, ни даже соперниками»⁶.

Значительное влияние на формирование мировоззрения, становление профессиональной карьеры и общественной деятельности адвоката оказало его ближайшее окружение, в котором наибольший вес имели государственные и общественно-религиозные деятели, принадлежавшие по своим взглядам в основном к консервативно-православным кругам: Т. И. Филиппов, К. П. Победоносцев, И. С. Аксаков, Павел (Леднев) Прусский и Н. И. Субботин⁷.

⁵ См.: *Троицкий Н. А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 108.

⁶ *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 98.

⁷ См.: *Константинова Ю. В.* Общественно-политическая и профессиональная деятельность Ф. Н. Плевако в России конца XIX – начала XX вв. : автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 7.

Константин Петрович Победоносцев, имея репутацию крупного специалиста в области гражданского права и блестящего лектора, в 1861 г. был приглашен во дворец для преподавания права наследнику и другим членам царской семьи. Император Александр II, высоко оценив педагогические способности наставника своих детей и его преданность престолу, назначил К. П. Победоносцева на должность обер-прокурора Синода, которую он занимал четверть века – с 1880 по 1905 г. Сама должность обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода предусматривала представление интересов императора светским чиновником в высшем церковном органе власти Российской империи.

Консервативные общественно-политические взгляды К. П. Победоносцева оказали значительное влияние на мировоззрение будущих императоров – Александра III и Николая II. Он резко критиковал европеизацию России, осуждал моду на демократию и парламентаризм, который называл «великой ложью нашего времени», а всеобщие выборы, по его мнению, рождают продажных политиканов и понижают нравственный и умственный уровень управленческих слоев. Победоносцев высказывался против восстановления патриаршества потому, что видел в этом институте угрозу незыблемости неограниченного самодержавия, которое он считал единственно приемлемой формой правления в России.

Дружба Ф. Н. Плевако и К. П. Победоносцева не носила идейного характера. Заметна противоречивость их взглядов. Один яркий сторонник веротерпимости, а другой совсем не толерантен к иноверцам... «Осип Фельдман, известный в ту пору гипнотизер, прогуливался однажды по берегу моря возле Сестрорецка. Вдруг видит – с купальных мостков упал в море старик, облаченный в тяжелое пальто, и тонет.

Отважный гипнотизер кинулся в воду и вытащил старика на берег. Тот открыл один глаз – оглядел своего спасителя:

- Жид?
- Увы.
- Крестись...

Все рекорды лаконизма были побиты! Осип Фельдман вытащил из воды синодского обер-прокурора Победоносцева, и уже на следующий день газеты опубликовали фельетон А. В. Амфитеатрова, озаглавленный: «Не всегда тащи из воды то, что там плавает!»⁸.

К. П. Победоносцева не любили, боялись, обвиняли в заскорузлости, на него писали едкие эпиграммы⁹, но сложно не увидеть цельность натуры и искренность патриотических переживаний. Так, Победоносцев доказывал, что церковь и вера – основы государства: «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от ду-

⁸ Пиккуль В. С. Нечистая сила. Воронеж, 1989. Т. 1. С. 56.

⁹ Победоносцев он в Синоде.

Обедоносцев при дворе,

Бедоносцев он в народе

И Доносцев он везде (Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 112).

ховного единения с народом. Государство тем сильнее и тем более имеет значение, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное. Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти. Ни начало целостности государственной или государственного блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное – сами по себе недостаточны к утверждению прочной связи между народом и государственною властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основного корня, когда отрешается от религиозной санкции»¹⁰.

Тертий Иванович Филиппов – российский государственный деятель, сенатор, публицист, православный богослов, – владея греческим языком и имея репутацию знатока творений Отцов Церкви, слыл авторитетом в церковных вопросах и конфликтах своего времени. Занимался проблемами «раскола», выступая в защиту староверов, за полную отмену всех существующих для них ограничений. «Базовые идеи Т. И. Филиппова о православной основе воспитания и образования составили фундамент мировоззренческих установок Ф. Н. Плевако. Во многом благодаря связям Т. И. Филиппова молодой Плевако оказался в кругу просвещенной творческой интеллигенции»¹¹.

Иван Сергеевич Аксаков – русский публицист, поэт, общественный деятель, один из виднейших теоретиков и практиков славянофильства – отстаивал нерушимость русских национальных основ, традиций и идеалов. Видел основу духовного возрождения человечества в союзе славянских народов под руководством русского народа. И. С. Аксаков доказывал, что «русская народность немыслима вне православия; что православие есть тот духовный исторический элемент, под воздействием которого сложилась и образовалась русская народность, что тщетны все попытки выделить из идеи русской народности идею православия, выкачать, так сказать, из нее разными насосами самый воздух и создать из этого обездушенного материала какую-то новую политическую русскую народность...»¹². Обращение к этим словам полтора столетия спустя в очередной раз с горечью подтверждают тщетность поиска пророка в своем отечестве.

Архимандрит Павел (Леднев) Прусский, воспитанный в старообрядческой среде, своей начитанностью, добросердечием и строгой жизнью приобрел всеобщую любовь и уважение. В связи со строгими мерами императора Николая I против раскольников отцу Павлу доверяют организацию нового старообрядческого центра в более безопасном месте, вне России. В восточной Пруссии (отсюда его прозвание «Прусский»), где про-

¹⁰ *Победоносцев К. П.* Московский сборник : сб. статей о церкви и государстве. 1896. Ч. IV, V.

¹¹ *Константинова Ю. В.* Указ. соч. С. 12.

¹² *Аксаков И. С.* Об отношении православия к русской народности и западных исповеданий к православию – по поводу книги Овербека «С Востока свет» // *День*. 1865. 23 окт. № 38. С. 893–896.

живало до тысячи русских, он устраивает старообрядческий Войновский монастырь. За 15 лет управления монастырь достигает своего расцвета, а отец Павел пользуется громкой известностью и авторитетом во всей России в качестве вождя старообрядчества.

Однако сомнения в обоснованности раскола и личный поиск Бога заставляют отца Павла покинуть Пруссию и с частью учеников присоединиться к Русской православной церкви. Осознанное изменение мировоззрения личности и публичное признание собственных заблуждений – не что иное, как духовный подвиг и свидетельство высокого нравственного характера. С этого времени все свои немалые знания и большую энергию отец Павел посвятил проповеди единоверия в десятках старообрядческих общин. Он был назначен настоятелем Никольского единоверческого монастыря в Москве, а за свои миссионерские труды возведен в сан архимандрита.

Одним из ярких свидетельств, характеризующих нравственный облик отца Павла, являются слова Н. И. Субботина к К. П. Победоносцеву: «С заботой и грустью смотрю я на будущее Никольского монастыря. Думается, что он больше всякого из московских монастырей приносит пользы Св. Церкви, – и в каком положении! Видим, как отцы архимандриты разъезжают в каретах, пышно одеты, сытно питанные, а настоятель Никольского монастыря ездит по Москве в розвальнях, чуть не в рубище, питаюсь скуднее своей братии. Лучшего он и не ищет. Скажу больше: в его убожестве еще более видится его нравственная мощь, и ею-то держится монастырь»¹³. Нерв этих строк не притупился и в наши дни!

Уже упомянув Н. И. Субботина, следует сказать, что и он входил в окружение Ф. Н. Плевако. Известный писатель и публицист Николай Иванович Субботин был профессором истории Московской духовной академии. К его заслугам относят издание большого числа первостепенных по своей важности источников по истории раскола и православной полемике против него. Именно труды Павла Прусского и Н. И. Субботина, посвященные истории Русской православной церкви и расколу, привели к появлению у Ф. Н. Плевако устойчивого интереса к церковным вопросам и проблеме старообрядцев как в своей профессиональной, так и в политической деятельности.

В активную политическую жизнь Ф. Н. Плевако включается в 1907–1908 гг., когда становится депутатом от партии октябристов в III Государственной думе.

«Исследуя процесс превращения популярного адвоката в общественно-политического деятеля», некоторые авторы уверены, что различные аспекты деятельности в качестве народного избранника «были для Ф. Н. Плевако равноценны деятельности юриста, защищавшего интересы российских граждан уже в масштабе всей страны»¹⁴. Не оспаривая такой вывод современного специалиста-историка, следует лишь указать

¹³ Там же.

¹⁴ Константинова Ю. В. Указ. соч. С. 14.

на иную точку зрения свидетеля событий тех лет – популярного фельетониста А. В Амфитеатрова: «Почти сорок лет повторялся о Плевако один и тот же суд общества: какой могучий народный трибун пропадает в этом талантливейшем адвокате! Акт 17 октября 1905 года удовлетворил желание общества: талантливый адвокат получил возможность и вскоре призвание явиться трибуном. Но – что же? Как только Плевако оделся в эту новую роль, тот же общественный суд немедленно завздыхал – и, надо сознаться, вполне основательно:

– Какой великолепный адвокат напрасно угас в этом плохом трибуне!

Почти год стоял Плевако на посту народного представителя – и не осталось от “гения слова” за этот период его жизни ни одного памятного слова. Напротив, – словно на смех, – остались, увековеченные газетными отчетами, жесты: “стучал по попитру”, “грозил кулаком”...»¹⁵.

Вместе с тем характер законотворческой деятельности Ф. Н. Плевако опять связан с вопросами религии и веры¹⁶. В Думе он участвует в работе комиссии по церковным вопросам. При этом, противопоставив себя большинству, выступал за выделение старообрядцев в самостоятельную комиссию, доказывая, что только совместная работа православных и старообрядцев может быть результативной.

Известно, что перед судебными выступлениями Плевако молился. А подчас и в самой публичной речи находилось место полноценной молитве. Вот как поверенный обращается к присяжным в Калужском окружном суде под звон колоколов из соседнего храма: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности... не даждь ми. Дух же целомудрия... даруй мне...и не осуждати брата моего... Сейчас священник вышел из алтаря и, земно кланяясь, читает молитву о том, чтобы Господь дал нам силу “не осуждать брата своего”. А мы в этот момент собрались именно для того, чтобы осудить и засудить своего брата. Господа присяжные заседатели, пойдите в совещательную комнату и там в тишине спросите свою христианскую совесть, виновен ли брат ваш, которого судите вы? Голос Божий через вашу христианскую совесть скажет вам о его невиновности. Вынесите ему справедливый приговор».

Во многом слава «московского златоуста» основывалась на непредсказуемости его выступлений и ловких адвокатских трюках. Некоторые из них – уже легенда. Даже «анекдоты» про него носили мистический окрас. Пожалуй, самой известной историей, не раз описанной в литературе, является оправдание священника, обвинявшегося в хищении. Защитник сказал следующее: «Господа, присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и сам в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет

¹⁵ Амфитеатров А. В. Рецензия на книгу Ф. Н. Плевако «Речи» // Собр. соч. СПб., 1912. Т. 15 : Мутные дни. С. 144.

¹⁶ См.: Селезнев Ф. А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.

отпускал вам на исповеди ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?»¹⁷.

Показательно, что одним из множества восторженных прозвищ Плевако было о многом говорящее – «митрополит адвокатуры».

Всероссийская слава Плевако начинается с процесса 1874 г. настоятельницы Серпуховского монастыря игуменьи Митрофании, обвинявшейся в подлоге и мошенничестве. Адвокат представлял потерпевших. Синтез его необузданного темперамента, неподражаемого вдохновения, самобытного нрава, непредсказуемых интонаций, а порой и страстно-оскорбительного тона дали ту знаменитую *силу* речи, которая пленила присяжных. Отныне суд присяжных и Плевако едины и неразлучны. Он сам называет себя 13-м присяжным с совещательным голосом, говорящим не от имени подсудимого, а как должен думать и говорить судья¹⁸. Но митрофаниевский процесс не только открывает миру нового Цицерона, но и ставит новые, ранее не известные ударения в судебном слове. Несмотря на то, что сам характер дела связан с монастырским управлением, Плевако демонстрирует возможности вpletения религиозно-нравственного чувства в правовую материю. Здесь закипает градус его личной веры, и он комментирует объективную сторону преступления через заповеди Святая. Говорит о спасительном значении православной церкви и единстве нравственного и правового порядка. Именно здесь он «обкатывает» христианский пафос своих речей и улавливает неосуждающую и милостивую сущность православного суда присяжных.

В связи с этим как минимум невежеством, если не мракобесием, выглядят попытки современных исследователей митрофаниевского процесса назвать выступление Плевако «глумлением» над верой: «Из-за неприязни к духовенству ему, конечно, невдомек было, что под покровом обители в общинах милосердия готовились медицинские сестры, так необходимые в боевых условиях для спасения жизни раненых воинов. Последующие войны подтвердили правильность выбора служения самоотверженных монахинь Всеблагому Богу и людям. Но какое дело до всего этого ненавистникам Православной России, разрушителям трона и алтарей!»¹⁹. Скорее всего, автор просто не знаком с содержанием обвинения и выступлением «самого православного» из адвокатов.

В профессиональном наследии Плевако, конечно, есть выступления, где обстоятельства церковно-религиозного плана выступают элементом состава преступления. Это, конечно, дело игуменьи Митрофании, по которому обличительные адвокатские выпады вошли во все азбуки ораторского искусства: «Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой жен-

¹⁷ Вересаев В. В. «Жил в Москве знаменитейший адвокат Плевако...»: невыдуманные рассказы о прошлом // Собр. соч. М., 1985. Т. IV. С. 118.

¹⁸ См.: Маклаков В. А. Указ. соч. С. 107.

¹⁹ Стрижев А. На путях стяжания благодати. Игуменья Митрофания: ее жизнь и деятельность. URL: <http://www.voskres.ru/podvizhniki/strijev.htm>

щины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего, а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма – биржа; вместо молящегося люда – аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы – упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра – приготовление к ложным показаниям, – вот что скрывалось за стенами. Стены монастырские в наших древних обителях скрывают от монаха мирские соблазны, а у игумены Митрофании – не то... Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!..»²⁰.

Другой пример – дело рабочих Коншинской мануфактуры, обвинявшихся в организации стачки, одной из целей которой было прекращение работ перед праздниками к началу церковной службы. Сами обстоятельства дела обязывают Плевако говорить о духовно-нравственном сознании трудящихся: «Церковь – это место подъема духа у забитого жизнью, возрождение нравственных заповедей, самосознания и любви.

Там он слышит, что и он человек, что перед богом нет эллин или иудей, что перед ним царь и раб в равном достоинстве, что церковь не делит людей на ранги и сословия, а знает лишь сокрушенных и смиренных, алчущих и жаждущих правды, труждающихся и озлобленных, всех вкуче помощи божьей требующих.

Входя туда обозленным, труженик выходит освеженным умом и сердцем.

Хотите сделать из народа зверей – не напоминайте ему про божью правду; хотите видеть работника-человека – не разлучайте его с великою школой Христовой.

Обвинение вменяет в вину изблеченным подсудимым их тоску по церкви. Надеюсь, что вы в этой тоске найдете основание к снисхождению...» (с. 640–641).

В этих отрывках религиозно-нравственные акценты «запрограммированы» изначально. И в силу предопределенности материалами дела они представляют меньший интерес.

Анализ религиозно-нравственных аспектов речей Ф. Н. Плевако уместно провести с позиций требований, предъявляемых к судебной речи. Количество и характер таких критериев всегда различны и подвержены изменениям. Вместе с тем, несмотря на некоторые понятийные разногласия, традиционно считают, что судебная речь должна быть содержательной, доступной, богатой, точной, выразительной.

Содержательность предполагает наличие у профессионального участника процесса юридически обоснованной позиции по делу, подкрепленной системой доказательств. Содержательность речи характерна для любого выступления, поскольку представляет синтез фактических обсто-

²⁰ Плевако Ф. Н. Избранные речи. М., 2010. С. 54 (далее ссылки на это издание – в тексте).

ательств дела и их правовой оценки. Оценка содержательности традиционно зависит от анализа в речи таких условий, как: определенность и последовательность выбранной позиции; анализ правильности квалификации деяния; ограниченность предметом доказывания устанавливаемых обстоятельств; наличие доказательств, как подтверждающих собственный тезис, так и опровергающих точку зрения оппонента; проверка процессуальных свойств аргументов; наличие логических связей в доказывании и др. Таким образом, содержательность предполагает использование только рационально-логических способов аргументации и, как правило, исключение иррациональных и ненаучных способов и средств доказывания. Соответственно недопустимыми в юридическом выступлении видятся и тезис, и аргумент, имеющие религиозный окрас. Но этот запрет не для Плевако!

Так происходит и в деле Санко-Лешевича, обвиняемого в подстрекательстве убийства сестры. Адвокат пытается не допустить в сознании присяжных отождествления своего подзащитного с Каином: *«Семьдесят веков тому назад на земле впервые пролилась кровь брата, и народные легенды даже на месяце запечатлели навек эту страшную картину. Обыкновенно человек-брат до такого разврата без основательных причин не доходит. Надо в прошлом испортиться, в настоящем быть дьяволом, даже сатаной»* (с. 496).

Князь Грузинский обвинялся в убийстве бывшего губернатора своих детей, имевшего близкие отношения с супругой князя и впоследствии ставшего управляющим ее части имения. После анализа низменного поведения потерпевшего и длительной психотравмирующей ситуации, в которой находился обвиняемый, Плевако ставит вопрос перед присяжными о наличии «оправданного» физиологического аффекта:

«Справиться с этими чувствами князь не мог. Слишком уж они законны, эти им овладевшие чувства.»

Часто извиняют преступления страстью, рассуждая, что душа, ею одержимая, не властна в себе.

Но если проступок был необходим, то самая страсть, когда она зарождалась в душе, вызывала осуждение нравственного чувства. Павший мог бы избежать зла, если бы своевременно обуздывал страсть. Отсюда – преступление страсти все-таки грех, все-таки нечто, обусловленное уступкой злу, пороку, слабости. Так, грех Каина – результат овладевшей им страсти – зависти. Он не неповинен, ибо совесть укоряла его, когда страсть, еще не решившаяся на братоубийство, изгоняла из души его любовь к брату.

Но есть иное состояние вещей: есть моменты, когда душа возмущается неправдой, чужими грехами, возмущается во имя нравственных правил, в которые верует, которыми живет, – и, возмущенная, поражает того, кем возмущена... Так, Петр поражает раба, оскорбляющего его учителя. Тут все-таки есть вина, несдержанность, недостаток любви к падшему, но вина извинительнее первой, ибо поступок обус-

ловлен не слабостью, не самолюбием, а ревнивой любовью к правде и справедливости» (с. 474).

Приведенные из Библии примеры рельефно показывают условия изменения сознания и нарушения волевого контроля за действиями. Они определяют неправомерное или аморальное поведение потерпевшего как некий «спусковой механизм» аффекта. Здесь проводится различие в ответственности за преступные деяния, совершенные с различными формами душевного волнения.

Еще одной особенностью этой выдержки является ее простота и наглядность. Адвокат в доступной форме, не прибегая к медицинской и юридической терминологии, доводит до присяжных значение аффекта.

Подобная интерпретация аффекта не единична в наследии Плевако. Буквально тремя годами ранее, в 1880 г., он берется за защиту Прасковьи Качки, обвинявшейся в убийстве охладевшего к ней возлюбленного. Эта одна из самых ярких «плевакинских» речей обычно приводится в паре с предваряющим ее прокурорским выступлением. Обвинение поддерживал П. Н. Обнинский, преподавший замечательный урок и «сегодняшнему» прокурору – что и как надо говорить. Предвидя возможное обоснование защитой аффективного состояния обвиняемой, прокурор показывает единство позиции нескольких заключений специалистов и комиссионных экспертиз в вопросе о душевном здоровье Качки. Единственным диссонансом выступало мнение одного из специалистов, которое не грех было проигнорировать. Однако П. Н. Обнинский показывает неубедительность такого вывода через скрупулезный анализ сущности аффекта, его видов, стадий, медицинской и юридической сторон. При этом он убеждает присяжных, используя передовые научные достижения в области психиатрии своего времени. Казалось бы, что такой блестящей юридической квалификации нечего возразить...

Но Плевако и не собирается состязаться в глубине познания теории уголовного закона и психиатрии. Пожалуй, это и бесполезно. Он обращается к неизменяющему ему «чутью» присяжных и пониманию того, что для «судей совести» понятийный аппарат права скучен, сложен и безлик. Правда жизни интереснее и ближе! Знакомясь с его выступлением, можно поймать себя на мысли, что аффект для Качки растянулся на всю жизнь и во многом обусловлен наследственностью. *«На библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т.п.) защитник доказывал, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием. Плевако обосновывал то положение, что заботою о материальном довольстве страждущих и немущих признается, что лишения и недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойною всеведения Учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели – цели духа и вечности»* (с. 389).

Приведенные случаи показывают, как юридически значимые оценки в матрице квалификации преступления замещаются доступными

религиозно-этическими ценностями. Такая ситуация естественна для выступлений Плевако. Для него нравственно ориентированный дух закона значительно выше его буквы. В одном из дел он говорит, *«что закон – это минимум правды, над которой висится иной идеал, иной долг, внятный только нравственному чувству»* (с. 590). Вообще отношение Плевако к праву сложно назвать формально-юридическим. Он скорее чувствует общий настрой юриспруденции, проникается идеями «здорового» права. «Он с убеждением напоминал присяжным, что царь Давид не устоял перед соблазнами Варсвии. Как человек глубоко всем своим складом религиозный, он верил, что и несчастье и преступление – пощущение свыше, что они посланы Тем Руководителем нашей судьбы, без воли Которого с головы не падает волоса; верил, что никогда не поздно покаяться, что преступление – часто спасительный перелом нашей жизни, залог возрождения; что величайшие деятели добра иногда выходили из рядов поборников зла; что, – как любил говорить он, – Савлы часто становятся Павлами»²¹.

Выступая перед присяжными, Плевако порой отождествляет суд земной с небесным. Ведь в знаменателе любого правосудия всегда правда, справедливость, милость. Защищая Люторических крестьян, он не делает разницы между *«попиранием божеских и человеческих законов»* (с. 599). По одному из дел поверенный обращается к присяжным: *«вы нас рассудите в правду и в милость, рассудите по-человечески, себя на его место поставите, а не по фарисейской правде, видящей у ближнего в глазу спичу, у себя не видящей и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себе оставляющей легкие ноши»* (с. 462). Спустя мгновение, по тому же процессу князя Грузинского, он чуть смещает акценты: *«Дело его – страшное, тяжелое. Но вы, более чем какое-либо другое, можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески»* (с. 463).

Однако это не универсальная позиция защиты. Она меняется в зависимости от особенностей каждого конкретного дела, и порой проводится граница между Божьим и кесаревым. Так, в деле Мамонтова Плевако говорит, что принципы человеческого общежития вполне вписываются в понятие абсолютной Божественной истины: *«В книге, в святость которой мы все верим, – в Новом Завете, сказано, что придет некогда суд общий, на котором Судия будет судить, «заче Он Сын человеческий». И вы рассудите по-человечески!»* (с. 328).

Но интонации «раскаяния-пощадь» характерны для «зрелого» Плевако. Его «молодые» речи в большей степени строятся на оценке доказанности обстоятельств, имеющих значение по делу. Так, в деле Гаврилова, раскрывая присяжным процессуальный смысл презумпции невиновности, Плевако особо подчеркивает разницу между жалостью и невиновностью: *«...Защита, оставаясь верной долгу гражданина, не может вас просить о том, на что вы не имеете права. Вам не дано миловать, да нет и надобности настаивать на этом. Право миловать принадлежит иной,*

²¹ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 109–110.

выше вас стоящей власти, перед которой еще не оставалась тщетной ни одна из просьб, отыскивающих милосердия!» (с. 278).

Приведенный пример скорее исключение в риторическом наследии Плевако. «С годами мистическое настроение захватывало знаменитого адвоката все глубже и глубже, стало для него искреннею потребностью. Это отозвалось и на его красноречии, – пишет известный фельетонист А. В. Амфитеатров. – Если следить за хронологией речей Плевако, легко заметить одну особенность: чем позже по годам речь, тем реже Плевако “защищает”, – все чаще просит извинить и простить, все слабее опирается на право, все крепче нажимает струны милосердия и сострадания. Его клиенты начинают почти сплошь сходиться со скамьи подсудимых не столько оправданные, сколько помилованные. Присяжные отпускают их не потому, что убедились в их невинности, но потому, что пожалели: выплакал им пощадку защитник. Их не обелили, но отверзли им милосердия двери – к покаянию. Клиентам Плевако, – в это время все больше директорам банков и разным крупным предпринимателям, – эти апелляции из области права в область религиозного отпущения грехов “по душам” весьма помогали»²².

Содержательность речи не исчерпывается лишь позицией по делу. Ее нужно обосновать при помощи аргументов. И в связи с этим опять обращает на себя внимание тот религиозный оттенок, который освещает свойства доказательств в выступлениях Плевако.

Вот как он по делу Франческо комментирует отказ свидетелей от ранее данных показаний под присягой: *«Воспитанный в понятиях, что клятва перед Крестом и святым Евангелием – священна, я болел душой, видя все то, что здесь происходило»* (с. 295). Этой емкой реплики вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение достоверность исследуемых сведений. Еще В. Д. Спасович считал, что «обряд присяги сильно действует на умы большинства людей и что эта религиозная гарантия вместе с гражданской, состоящею в наказаниях за лжеприсягу, склоняет многих к правдивости. *Существенно в присяге приведение имени Бога, а не внешний ее обряд»*²³. А по приведенной ситуации остается лишь напомнить, что Плевако практически не прибегал к сравнению показаний, данных в ходе предварительного и судебного следствия, обоснованно полагая, что такой прием наименее эффективен, несмотря на его распространенность.

Плевако критически оценивает достоверность показаний участников процесса, основываясь на искренности чувств верующих. Вот один из таких примеров: *«Главный убийца – Анастасия Дмитриева, совершив злое дело, не стесняется, для отвода глаз, спустя 5–10 дней, поднимать икону и – молиться!»*.

Есть воры, которые в Благовещенье служат молебны и начинают тем сезон воровства. Несомненно, это – религиозные люди, и религия у них покрывает злодейства. Такое понятие о божестве не оправдывается никакими соображениями.

Такова Дмитриева в отношении религии...» (с. 496).

²² Амфитеатров А. В. Указ. соч. С. 145.

²³ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 41.

Такая характеристика личности достигает своей цели. Пожалуй, какие-либо иные сведения уже не смогут изменить взгляды присяжных на подсудимую.

Но религиозный аспект речей Плевако затрагивает не только вопросы достоверности доказательств, но и другие их свойства. Так, проблема допустимости звучит, когда адвокат предостерегает народных представителей прислушиваться к молве, слухам, общественному мнению: *«В деле, которое вы рассматриваете, столько клеветы, сплетен, ненависти к обвиняемому, – точно погоня волка за зайцем... Кричат: ату его, ату!.. Страшно становится за человека...»*

Он осужден общественным мнением!..

Но что такое господа общественное мнение?..

Святейшему святых общественное мнение вчера провозглашало «Осанна», а на другой день уже – «Распи, распи его!» (с. 501). Сила приведенной мысли ощутима и превосходит любые известные суждения о неавторитетности общественного мнения ... в суде!

Помимо прочего ссылки на библейские тексты делают выступления Плевако выразительными. Образы, взятые из Писания, помогают присяжным в яркой и доступной форме воссоздать суть исследуемых событий. Так, превознося добродетели своего доверителя Стаховича, Плевако замечет, что *«разве один Искарriot решится своим змеиным языком изречь хулу...»* (с. 580). Осуждая Буллаха за причинение с корыстной целью расстройства умственных способностей богатой купчихе Мазуриной, адвокат применяет антитезу – *«в противоположность библейскому Иову, она не блага и сокровища отдает, чтобы соблюсти душу, но, наоборот, она лучше отдаст и отдает себя на распятие, но зато скрывает то, что ей всего дороже, – награбленное богатство»* (с. 165).

Однако религиозно-эмоциональный порыв не гаснет и в суде – профессионалов. Вот несколько примеров острого чувства слова адвоката.

Высокий пафос заложен в метафоре, напоминающей суду суть правосудия по делу бек-Бакиханова: *«Судья, ставящий судебное решение, сознает еще и то, что весы в руках правосудия, эмблема – весы, не из того материала, из которого льются орудия торга, веса и меры в местах человеческого торжища. Судья знает, что весы, врученные ему, выкованы из того материала, из которого слиты весы великого Божьего суда, имеющего произнести приговор над всем миром и судьбами его. А к таким весам не должны прикасаться ничьи с правдой ничего общего не имеющие стремления; их верности не должны нарушать, прикасаясь к ним, нечистые руки, в целях увеличения тяжести одной из чашек, все равно, вмещающей интересы обвинения или интересы защиты»* (с. 486).

Представляя интересы частного обвинителя Шмакова о защите чести, Плевако так обращается к съезду мировых судей: *«Да будет вам руководящим светочем слово апостола язычников Павла, так выразившегося о значении доброго имени: «лучше мне паки умереть, нежели похвалу мою кто да испразднит!..»* (с. 562). Этот фрагмент представляет часть

апелляционной речи, которая традиционно в большей степени ориентирована на исследование материальных и процессуальных вопросов дела, что, как правило, снижает эмоциональное воздействие.

Религиозно-этическая сторона речей Плевако представляет художественную, литературную, возможно, и драматическую ценность. Но открытым и подлежащим обсуждению остается вопрос об общей допустимости использования в судебной речи религиозно-нравственных установок профессиональными участниками процесса. Радикально отрицает такую возможность автор знаменитого «Искусства речи на суде» П. С. Пороховщиков (П. Сергееч). Он предупреждает о непристойности таких ссылок: «Не касайтесь религии, не ссылайтесь на божественный промысел.

Когда свидетель говорит: как перед иконой, как на духу и т.п., это оттенок его показания и только. Но когда прокурор заявляет присяжным: «Здесь пытались уничтожить улики; попытка эта, слава богу, не удалась», или защитник восклицает: «Ей богу! здесь нет доказательств», это нельзя не назвать непристойностью.

В английском суде и стороны, и судьи постоянно упоминают о боге: Боже сохрани! Я молю Бога! Господи, пощади мою душу! и т.п. Человек, называющий себя христианином, обращается к другому человеку и говорит ему: мы вас повесим и подержим в петле на полчаса, пока не последует смерть; да примет вашу душу милосердный господь!

Я не могу понять этого. Суд не божеское дело, а человеческое; мы творим его от имени земной власти, а не по евангельскому учению. Насилие суда необходимо для существования современного общественного строя, но оно остается насилием и нарушением христианской заповеди²⁴. Основанием такого вывода является противопоставление позитивного права и христианской морали. Такие взгляды заслуживают поддержки лишь в той части, когда религиозная полемика превращается в недопустимое психическое давление. Это случаи построения речи на бесполезности наказания, на христианском всепрощении, на «не суди и не судим будешь». Такая примитивная риторика скорее свидетельствует о невежественности и, конечно, будет пресечена председательствующим. Поэтому сомнительными выглядят знаменитые истории со священником, либо с пересказом церковного богослужения в зале суда. Недопустимым, например, представляется оценка Плевако «слезливых» показаний обвиняемого Росковшенко, как – *«вы, значит, видели совершенно искренние слезы, а в Писании сказано есть: «блаженны плачущие – они утешатся!..»* (с. 252). Эти примеры лишь свидетельствуют о неоднородности адвокатского наследия и о необходимости индивидуального подхода к каждому риторическому приему.

Однако исследование только контрастов между правом и религиозными догмами представляется неплодотворным и обездушенным. Эти ценности не только неразнополярны, но и во многом едины и взаимообусловлены. Именно на попрание согласия норм Писания и правовых

²⁴ Сергееч П. (Пороховщиков П. С.). Искусство речи на суде. Тула, 2000. С. 34.

актов можно достичь успеха. Для этого нужно только глубокое понимание нравственного и социального значения этих правил человеческого общежития, а также искренность собственной души, убеждающая без фальши и сомнений. Собственно, это и демонстрирует Плевако в одной из речей: «...*Внешнее, обрядовое исполнение веры не противоречит дурно настроенному духу, что дух возвышается от усвоения внутренних требований веры.* <...> *для меня христианство – не система привилегированной метафизики, а нечто более святое, и в этой области я могу распознаться...*» (с. 233–234).

Именно нравственная монолитность задает силу «плевакинской» речи, а не удачные попадания в библейские тексты. Именно вера в «здоровое» право заставляет присяжных и судей прислушаться к совести. Именно высота его воззрений отрывает житейских неурядиц и заставляет увидеть новые горизонты жизни. Именно поэтому подражать Плевако, а тем более говорить «под него» невозможно!

Обращение Плевако к христианскому сознанию как присяжных, так и судей нацелено на формирование у них определенных выводов с целью убеждения в пользу доверителя. Исключительно с этих позиций религиозно-этические аспекты его выступлений отвечают назначению и смыслу профессионального представительства – всемерному обеспечению интересов клиента и достижению благоприятного для него результата. Естественно, законными средствами, приемлемыми с точки зрения этики. Поэтому судебная речь может лишь в той мере отвечать интересам общества, государства и в тех границах растворяться в принципах человеческого общежития, пока это соответствует интересам представляемого. Это и есть тот излом личных и общественных интересов, паритетное соотношение которых так трудно сбалансировать. Но у «митрополита адвокатуры» был свой рецепт. Его точно подметил В. А. Маклаков: «Попада виновному, милосердие, жалость – все это не только почтенные, но и понятные чувства; но против них разум выдвигает ряд аргументов, столь же неотразимых умом: интерес государственного порядка, общественной безопасности, уважение к закону и праву. Но Плевако не нужно было, как другим, в угоду хорошему чувству на многое заглушать голос разума. Его христианское мирозерцание устраняло трагизм такого конфликта. Личность, душа человека была для него в центре всего. Принести ее в жертву нельзя ничему, ни во имя чего!»²⁵.

²⁵ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 110.

Воронежский государственный университет

Зотов Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

E-mail: zotov78@mail.ru

Тел.: 8(473) 220-82-51

Voronezh State University

Zotov D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department

E-mail: zotov78@mail.ru

Tel.: 8(473) 220-82-51